

Журкин В.В.¹

Москва: первые бомбёжки²

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, когда я учился в четвёртом классе. Потом я написал историю германо-польской войны, естественно, от руки, как делалось в те времена. Там, конечно, ничего не говорилось ни о Западной Украине, ни о Западной Белоруссии, Советский Союз вообще отсутствовал. Указывались только силы сторон, стратегические планы поляков и немцев, и то, что Германия разгромила Польшу. Исписал целую тетрадь, страничек 15, наверное. С этим докладом я выступал в школе. А тетрадь сохранил до сих пор. Когда началась Великая Отечественная война, я стал составлять ее историю. Завел толстенную тетрадь (потом их было три, но только одна сохранилась). В неё вклеивал сообщения Совинформбюро, другие материалы о войне. В эвакуации дома у нас не было газет, поэтому я читал газеты в уличных витринах и оттуда от руки переписывал сведения в тетрадь (тоже кое-что сохранилось). Отдельно собирал сообщения о международных делах, связанных с нашей войной.

Продолжались немецкие воздушные бомбежки. Правда, самые массивные были в конце 1941 г. – начале 1942 г., позже они ослабели, уж очень мощной стала противовоздушная оборона Москвы. Немецкие самолёты сбивали или они разворачивались, потому что с нашей стороны было задействовано огромное количество истребителей плюс зенитки. Ночью на крышах домов было организовано дежурство, мы лезли к старикам на крышу, а они нас, мальчишек, прогоняли. Внизу во дворе стояли огромные ящики с песком и огромные щипцы, на случай если попадала «зажигалка». Но на нашем дворе я не видел ни одной бомбы, упали две только «», их быстро загасили. Хотя летело много осколков от зениток, они непрерывно стреляли по немецким самолётам. Бывало, сидишь ночью на крыше, в небе ходят если не сотни, то десятки прожекторов, иногда аэростаты высвечивают. Вдруг сверкнула точка, и к ней сразу бросаются десятки прожекторов, ведут её. Это самолёт. Чуть погодя эта точка ещё раз как-то странно вспыхивала: сбит! Своими глазами я видел пять-шесть сбитых немецких самолётов, они попадались, когда выезжал за город, валялись хвостом кверху. В 1942 году один сбитый самолёт поставили напротив Большого театра, ближе к метро “Площадь Революции”. Когда я бывал в центре, если вдруг начиналась воздушная тревога, я бежал к метро, тогда все эскалаторы пускали вниз. Старался попасть на станцию “Площадь Революции”, потому что там была хорошая библиотека, в ней всегда были свежие газеты и журналы, книжку можно было почитать. Народу набивалось много. Сидели час, два, три, пока не давали отбой воздушной тревоги. Разрушения в Москве от бомбежек были где-то довольно заметные. Порой мы с мальчишками даже ездили посмотреть. У Большого театра правый угол срезан. То же было у главного здания ЦК партии. Напротив него, через бульвар, стояла линия высоких многоэтажных домов, все они были без крыши и выгорели внутри. Пострадали Курский вокзал, здание театра им. Вахтангова. Сгорел наш любимый кинотеатр им. Моссовета около Павелецкого вокзала, куда мы ходили всем классом. Это было огромное и очень красивое деревянное здание с залом на несколько сот мест и гигантским экраном. Даже сейчас помню, как смотрел там фильм “Дети капитана Гранта”.

Мой отец Владимир Сергеевич Журкин ушёл на фронт в конце 1941 г. и провоевал до самого конца войны, участвовал в штурме Берлина, был майором. Среди наград особенно ценил орден Красной Звезды и медаль “За отвагу”. Их давали только тем, кто лично участвовал в бою. После победы он служил ещё больше года в Польше, в городе

¹ Журкин Виталий Владимирович – академик РАН, почётный директор Института Европы РАН.

² Журкин В.В., Буторина О.В. В начале десятого (часть первая). Современная Европа. 2019. №2. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320190512>

Лигнице, недалеко от Вроцлава, бывшего Бреслау. Вернулся домой к концу 1946 года. Долго и тяжело болел, война сказалась, хотя ему было всего 45 лет. Он работал, в последние годы жизни был заместителем директора Института “Стройкерамика”. До войны отец закончил Промышленную академию, получил диплом инженера. Довольно долго работал директором завода “Водоприбор”, раньше он назывался “Оремзнасос”, отец его переименовал. Перед войной и в её начале он был руководителем треста “Мосгорсвет” и стал известен как организатор централизованного управления всем наружным освещением Москвы. Перед самой войной освещение всего города можно было выключить, что называется, “одним рубильником”. Их тогда за это основательно наградили. Когда в июле 1941 года начались первые налеты фашистской авиации на Москву, произошел курьезный случай, который отец потом часто вспоминал. Когда в самом начале отключили освещение во всей Москве, оказалось, что светятся уличные лампы на Арбате, по которому Сталин ездил в Кремль. Тут же налетела “команда” НКВД, всю верхушку треста во главе с отцом потащили в кутузку. Тем временем выяснилось, что на Арбате установили особенные уличные светильники. Когда немцы сбрасывали на парашютах осветительные ракеты, эти лампочки ярко отражали их свет. Поэтому Арбат светился. Отца с товарищами довольно быстро отпустили, а лампы на Арбате мгновенно поменяли.